

А.Т. Аверченко

Волчьи ямы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А19

А19 **Аверченко А.Т.**
Волчьи ямы / А.Т. Аверченко – М.: Книга по Требованию, 2021. – 45 с.

ISBN 978-5-458-08322-5

ISBN 978-5-458-08322-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СТАРЧЕСКОЕ.

Падают, падают желтые листья на сѣрыя скользкія дорожки. Нехотя падают.

Оторвется листъ и тихо, неувѣренно колеблясь, цѣпляясь за каждую вѣтку, за каждый сукъ, падаетъ, падаетъ листъ, потерявшій всѣ соки, свернувшійся, какъ согбенный старикъ.

Кхе-кхе!..

Невеселую пѣсню тянетъ тонкимъ голосомъ запутавшійся среди черныхъ голыхъ вѣтвей вѣтеръ, тоже состарившійся съ весны, когда было столько надеждъ и пышнаго ощущенія своего бытія.

У черта на куличкахъ теперь эти надежды и это пышное ощущеніе бытія. Гдѣ та нарядная береза, которую онъ любилъ цѣловать въ теплый задумчивый вечеръ, когда озеро гладко, какъ дорогое зеркало, а оттуда, гдѣ закатъ, доносится мирный, умирительный колокольный звонъ?

Отъ березы остался грязный скелетъ, и сама она вмѣсто гармоническаго шелеста, издаетъ такой печальный скрипъ, что взять бы и повѣситься на ней отъ тоски и ужаса.

И еще упало нѣсколько листьевъ. И еще. Кхе-кхе!..

Къ вамъ, бѣдные старики-человѣки, обращаются мои взоры, и тоска давить сердце: вѣдь и я буду старикомъ.

Не хочется...

Какъ сухіе листья, опадутъ постепенно мои нѣжные шелковистые волосы—мои волосы! Какъ сучковатыя вѣтви станутъ мои сильныя, гибкія руки—мои руки! Уродливыми корнями уйдутъ въ землю мои стройныя ноги, каждый мускулъ которыхъ напрягался и дрожалъ, когда несли онъ меня къ любимой,—мои силыныя ноги! Темная кора, вся въ морщинахъ и царапинахъ, будетъ покрывать пригнувшееся къ землѣ тѣло—мое тѣло, которое жадно цѣловали ненасытныя женскія губы.

Падайте, листья, пригибайся, стволъ—къ землѣ, къ землѣ! Уходи въ землю, старый дуракъ, нечего тебѣ шамкать о какихъ-то любимыхъ и любящихъ женщинахъ—кто тебя, корявую колоду, могъ поцѣловать?..

Да вѣдь цѣловали же! Цѣловали! Ну вотъ же, ей-Богу, цѣловали... И какъ!

Бѣдные старики.

Не старикъ я, а буду старикомъ.

Богатая у меня фантазія, роскошная фантазія! Вотъ, захочу сейчасъ, закрою глаза, да и представлю себѣ ясно, какъ на солнцѣ,—отрывок, отрывочекъ моей старческой жизни... Слушай, читатель. Кхе-кхе!..

* * *

Шелковыми волосами, нѣжной щекой трется о мою заскорузлую жилистую руку внукъ, Костя, Саша или Гриша—какъ тамъ его заблагоразсудятъ назвать нѣжные родители.

—Дѣдъ,—говоритъ Костя,—что ты все спишь, да спишь... Разскажаль бы что-нибудь...

—Да чего тамъ разсказывать... И разсказывать нечего.

—Эхъ, ты... А еще мама говорить, что писателемъ былъ.

Мои потухшіе глаза чуть-чуть загораются.

—А вѣдь былъ же! Ей-Богу, былъ. Помню, выпустилъ я какъ-то книжку «Веселыя устрицы»...

Годовъ тому, поди, пятьдесятъ будетъ. Одинъ критикъ возьми и напиши: «этотъ, говоритъ, молодой человѣкъ, подаетъ надежды»...

—Подаль?—спрашиваетъ внукъ, съ любопытствомъ оглядывая морщинистаго «молодого человѣка».

—Что подаль?

—А надежды-то.

—А песь его знаетъ—подаль или не подаль. Развѣ тутъ было время разбирать? Да ты самъ взялъ бы такую книжку съ полки, да почиталь бы дѣдову стряпню, хе-хе-кхе! Кхе!

—Ну ее,—съ наивной жестокостью дѣтской ясной души морщится внукъ.—Еще недоставало чего.

Почитать... Ничего я тамъ не пойму.

А у меня уже и самолюбія авторскаго не осталось. Все старость проклятая выѣла.

Даже не обидно.

—Ну, чего ты тамъ не поймешь! Въ мое-то время люди все понимали. Неужто жъ, умнѣ были?

—Нѣтъ, непонятно,—вздыхаетъ внукъ.—Вдругъ сказано у тебя тамъ: «Пріятели чокнулись, выпили по рюмкѣ водки, и, поморщившись, поспѣшили закусить. «По одной не закусываютъ», крикнулъ Иванъ Николаичъ...» Ни черта, дѣдушка, тутъ не разберешь...

—Вотъ-те разъ! Что жъ тутъ непонятнаго?

—Да что это такое—водка? Такого и слова нѣтъ.

Молодостью повѣяло на меня отъ этого слова: вод-ка.

—Водка-то?—такое слово было.

—Что-жъ оно значитъ?

—А напитокъ быть такой. Жидкость. Понимаешь? Алкогольная.

—Для чего?

—А пить.

—Сладкая, что ли?

—Эва, хватилъ! Горькая, братъ, была! Такая горькая, что инда духъ зашибетъ.

—Горькая, а пили! Полезная, значитъ? Вродѣ лѣкарства?

—Ну, насчетъ пользы—это ты, братъ, тово... Нищимъ человѣкъ отъ нея делался, бѣлой горячкой заболѣвалъ, подъ заборами коченѣлъ...

—Такъ почему же пили-то? Веселымъ человѣкъ дѣлался, что-ли?

Я задумчиво пожевалъ дряхлыми губами.

—Это какъ на чей характер. Иной такъ развеселится, что вынетъ изъ кармана ножикъ и давай всѣмъ животы пороть.

—Такъ зачѣмъ же пили?

—Пріятно было.

—А вотъ у тебя тамъ написано: «Выпили и поморщились». Почему поморщились?

—А ты думаешь, вкусная она? Выпилъ бы ты, такъ похуже, чѣмъ поморщился...

—А почему они «поспѣшили закусить»?

—А чтобъ вкусъ водочный отбить.

—Противный?

—Не безъ того. Крякать тоже, по этому же самому, принято было. Выпить человѣкъ—и крякнетъ.

Эхъ, моль, чтобы ты пропала дрянь этакая!

—Что-то ты врешь, дѣдъ! Если она такая на вкусъ, почему же тамъ дальше сказано: «по одной не закусываютъ».

—А это чтобъ сейчасъ же другую выпить.

—Да вѣдъ противная?

—Противная.

—Зачѣмъ же другую?

—А пріятно было.

—Когда пріятно? На другой день?

—Тоже ты скажешь... «на другой день»!—оживился я.—Да на другой день, братъ, человѣкъ ногъ не потащить. Лежить и охаетъ. Голова болить, въ живогѣ мутить, и на свѣтъ Божій глядѣть тошно до невозможности.

—Можетъ, черезъ мѣсяцъ было хорошо?

—Если мало пилъ человѣкъ, то черезъ мѣсяцъ ничего оообеннаго не было...

—А если много? Дѣдъ, а? Не спи!

—Если много? Да если, братъ, много, то черезъ мѣсяцъ были и результаты: сидитъ человѣкъ съ тобой и разговариваетъ, какъ человѣкъ... Ну... а потомъ вдругъ—трехъ! Сразу чертей начнетъ ловить. Смѣхи! Хи-хи, кхе-кхе!

—Какъ... ловить? Да развѣ черти есть?

—Ни шиша нѣтъ ихъ—и не было. А человѣку кажется, что есть.

—Весело это, что ли, было?

—Какой тамъ! Благимъ матомъ человѣкъ оралъ. Часто и помирали.

—Такъ зачѣмъ же пили?—изумленно спросилъ внукъ.

—Пили-то? Да такъ. Пилось.

—Можетъ, послѣ того, какъ выпьютъ, добрыми дѣлами занимались?

—Это съ какой стороны на такое дѣло взглянуть. Если лакею фізіономію горчицей вымажетъ или

жену по всей квартирѣ за косы таскаетъ, то для мыльнаго фабриканта или парикмахера это—и доброе дѣло.

—Ничего я тебя не понимаю.

Внукъ накрутилъ на палецъ кольцо своихъ золотыхъ волосъ и спросилъ, рѣшивъ, очевидно, подойти съ другой стороны:

А что это значитъ—«чокнулись»?

—А это дѣлалось такъ: беретъ, значить, одинъ человѣкъ въ руку рюмку и другой человѣкъ въ руку рюмку... Стукнуть рюмку-о-рюмку, да и выпьютъ. Если человѣкъ шесть-семь за столомъ сидѣло, то и тогда всѣ перестукаются.

—Для чего?!!!

—А чтобы выпить.

—А если не чокаться, тогда ужъ никакъ не выпьешь?

—Нѣтъ, можно и такъ. Отчего же.

—Такъ зачѣмъ же чокались?

—Да вѣдь не чокавшись, какъ же пить?

Я опустилъ голову, и слабый розовый отблескъ воспоминаній освѣтилъ мое лицо:

—А то еще, бывало, чокнутся и говорить: «Будьте здоровы» или: «Исполненіе желаній». Или «Дай Богъ, какъ говорится».

—А какъ говорится?—заинтересовался внукъ.

—Да никакъ не говорится. Просто такъ говорились. А то еще говорили: «Пью этотъ бокаль за Вѣру Семеновну!»

—За Вѣру Семеновну? Значить, она сама не пила?

—Какое! Иногда, какъ лошадь, пила.

—Такъ зачѣмъ же за нее? Дѣдь, не спи! Заснулъ...

А я и не спалъ вовсе... Просто унесся въ длинный полуосвѣщенный коридоръ воспоминаній.

Настолько не спалъ, что слышалъ, какъ, вздохнувъ и отойдя отъ меня къ сестренкѣ, Костя замѣтилъ соболюзнующе:

—Совсѣмъ нашъ дѣдь Аркадій изъ ума выжилъ.

—Кого выжилъ?—забезпокоилась сердобольная сестра.

—Самъ себя. Подумай, говорить, что пили что-то, отъ чего голова болѣла, а передъ этимъ стукали рюмки объ рюмки, а потомъ садились и начинали чертей ловить... Послѣ ложились подъ заборъ и умирали... Будьте здоровы, какъ говорится!

Братъ и сестра взяли за руки и, размахивая ими, долго и сочувственно разглядывали меня. Внукъ замѣтилъ, снова вздохнувъ:

—Старенькій, какъ говорится. Сестренкѣ это тоже понравилось.

—Спать, какъ говорится. Чокнись съ нимъ скакалкой по носу, какъ говорится.

—А какая-то Вѣра Семеновна пила, какъ лошадь.

—Какъ говорится,—скорбно покачала головой сестренка.—Совсѣмъ дѣдь поглупѣлъ, что тамъ и говорить. Какъ говорится...

• • • • •
• • • • •

Никогда, никогда молодость не можетъ понять старости.

Плохо мнѣ будетъ въ 1954 году—охъ, плохо... Ке-кхе!

КОРНИ ВЪ ЗЕМЛѢ.

Толстый человѣкъ, отдуваясь и тяжело дыша, утиралъ громадный лбище громаднымъ клѣтчатымъ платкомъ и, дѣлая послѣ каждого слова антрактъ, въ видѣ глубокой передышки, говорилъ:

—Это (передышка) какъ же (передышка) будетъ (передышка) теперича?

—А что?—недоумѣнно поднялъ я голову.

—Значить, это выходитъ, что жить не по-хорошему нужно, не въ бракѣ, а въ развратѣ—да? Въ гнусности—да?

—Именно?

—Разъ свадьбы не сдѣлаешь—что жъ оно выйдетъ? Ясное дѣло.

—Какой свадьбы?

—Какая бываетъ. Между двумя.

—Которыми?

—Вообще. Барышня, скажемъ, и кавалеръ.

—Ну?

—Между ими, говорю.

—Такъ кто жъ имъ мѣшаетъ жениться?

—Безъ свадьбы-то?

—Со свадьбой!

Толстякъ охнулъ и, какъ китъ, выпустилъ изъ ноздри струю воздуха, поколебавшую гардину на окнѣ.

—Гдѣ-же это вы, скажите на милость, свадьбу теперь увидите?

—А что? Постъ?

—Тоже вы скажете—постъ. Постъ дѣло проходячее: постъ ни при чемъ.

—А что не «проходячее»?

—Читали, что всякое питье хотятъ уничтожить?

—Читаль. Прекрасная мысль.

—Умники вы!.. Новомодные танцоры. Шаркуны, трамъ-блямъ... Вотъ и выдумываете бо-зна-что!

—Однако, при чемъ тутъ свадьба?

—О, Господи-жъ! Да какая христіанская душа безъ выпивки свадьбу справить? Вѣдь куры жъ засмѣютъ. Господи, Господи!

—Какой вздоръ. Обрядъ бракосочетанія не требуетъ выпивки.

—Такъ-съ. Вы по-умному все, по-балетному разсуждаете. А дозвольте васъ спросить: вернумшись?

—Что такое—«вернумшись»?

—Вернумшись съ этого «бракосочетанія», какъ вы выражаетесь, что они должны дѣлать?

—Молодые?

—Да-съ. И молодые, и старые.

—Чай пить.

—Это на свадьбѣ-то?! Да пригласи меня человѣкъ на такую свадьбу—я и ему и его невѣстѣ всю прическу чаемъ ошпарю!

—Пусть не приглашаетъ.

—Это меня-то? Дядю-то? Кто его послѣ такого поступка лѣчить будетъ?

—Однако, согласитесь сами, что такимъ образомъ для вашего племянника создается безвыходное положеніе.

—То-есть для племянницы. И вѣрно, что безвыходное. Гдѣ ужъ тутъ замужъ выходить при этомъ самомъ! Позоръ одинъ, смѣхота.

—Не понимаю, почему. Будто все дѣло въ выпивкѣ.

—Ну, вотъ и говори съ нимъ. Свадьба это али нѣтъ?

—Свадьба.

—Музыка должна быть? Туши она должна играть? Подъ какой же дьяволъ она будетъ играть туши, ежели выпить нечего? За мое-то здоровье, за дядюшкино, должны пить или, можетъ быть, скажете—

не должны? За молодых должны пить или не должны? Керосинъ пить будутъ, клюквенный сиропъ Молодымъ должны кричать «горько!» или не должны? А гдѣ жъ тутъ горько? Отъ чего? Отъ чего?! Отъ моржовой воды?!!

—Что это за моржовая вода?

—Лечебная. Съ пузырьками. Орель на этикеткѣ.

—Боржомъ!

—Это все едино. Пить я его не буду...

—Ну, и что же?

—Такъ вотъ, при такихъ обстоятельствахъ, я васъ спрашиваю, что это получится: свадьба или похороны? Чѣмъ молодые потомъ такой день вспомнить? Похороны? Да теперь и похороны тоже... Доведись на меня—никогда бы я при такихъ дѣлахъ не похоронился.

—Похоронять! И спрашивать не будутъ.

—Развѣ что. А только вотъ ужъ всякій на такихъ похоронахъ скажетъ: «Собака собака смерть». И дѣйствительно!

Онъ всплакнулъ въ платокъ, высморкался и обратилъ на меня маленькіе покраснѣвшіе глаза.

—Простите вы меня, сырой я. Такъ вотъ вамъ какія похороны. Пѣвчіе безъ водки злые, какъ собаки, пѣть будутъ безо всякой чувственности, поминальщики за блинами, за пирогами не поплачутъ, какъ раньше, а еще по трезвому дѣлу такъ ругнуть, такъ обложить покойничка, что онъ, какъ шашлыкъ на шампурѣ, завертится въ гробу. А дѣтки!.. Эти, ангелочки малые...

Онъ снова полузаплакалъ въ платокъ, полувысморкался.

—Дѣтки, говорю я... Такъ некрещеными имъ, значить, и ходить? Ни нашимъ, ни вашимъ, да?

—Ну, ужъ крестины, простите...

—Нѣтъ, это ужъ вы мнѣ простите! Не желаю я вамъ прощать—лучше ужъ вы мнѣ простите! Это каія же такія крестины должны получиться, когда за здоровье младенца, за евою маму, за крестныхъ—такъ ужъ и не выпьетъ никто?! Это вы какъ понимаете? Да вѣдь послѣ такихъ крестинъ младенецъ и лапки кверху задеретъ.

Я засмѣялся.

—Выживетъ.

—Выживетъ? Почему выживетъ? Потому что пусть лучше некрещеннымъ бѣгаетъ, чѣмъ...

Очевидно, глаза его устроились въ свое время на сыромъ, болотистомъ мѣстѣ. При легонькомъ нажатіи платка въ этихъ двухъ кочкахъ проступала обильная вода.

Высморкавшись особенно щеголевато и громко, онъ сказалъ съ грустной мечтательностью:

—Ну, конечно, что же это за жизнь. Такъ и будутъ ходить—некрещенные, невѣнчанные, непогребенные... И помирать скверно и жить не сладко.

И вдругъ, вспомнивъ что-то, съ новой энергіей застоналъ толстякъ:

—А праздники!! А Рождество и Пасха?! Пришелъ ко мнѣ, скажемъ, Семень Афанасьичъ. «Драсьте—драсьте». «Понравилась ли вамъ заутреня? Пожалуйте къ столу». Крякнетъ Семень Афанасьичъ, потретъ руки, пригладитъ усы, подойдетъ къ столу... (онъ всхлипнулъ), подойдетъ это онъ къ столу—ветчина тутъ, поросенокъ, колбаса жареная, птички разныя разрумяненные... И что же! Все это по столу стелется, все это низко, простите! А гдѣ же вершины духа человѣческаго? Гдѣ же эти пирамиды, обелиски, радующіе взоры и уста! Какъ же можетъ Семень Афанасьичъ съѣсть поросеночка? Какъ ему въ глотку ползетъ жареная колбаса? Какъ у него подымется рука золотистенькій грибокъ въ ротъ отправить? Да не сдѣлаетъ же этого Семень Афанасьичъ! Не такой это онъ человѣкъ. Выронитъ вилку, шваркнетъ хлѣбцемъ, уже заранѣе для первой рюмки приготовленнымъ—въ поросенка, плюнетъ на столъ и уйдетъ. Это Рождество, по-вашему? Это Пасха? Это колокольный звонъ или ваше трамъ-блямъ?!! Нечистый возрадуется—и горько восплачемъ мы! Да я въ такой праздникъ сейчасъ же работать, какъ въ буденный день, пойду. Знаете вы это? Что мнѣ такой праздникъ? Да вамъ самимъ лучше меня занять работой въ такой праздникъ, а то вѣдь я на людей бросаюсь буду, кусаться буду, землю ногами рыть!! Вѣдь раньше, вы подумайте, что было: съ утра собираешься, чтобы пить, потомъ пьешь, потомъ опохмеляешься, тошнить, значить, тебя, голова болитъ—анъ, смотришь, день и прошелъ. А нынче что я буду дѣлать? Пойду да Семену Афанасьевичу стекла и побью.

—Это зачѣмъ-же?—удивился я такому странному заключенію.

—А съ досады. Двадцать лѣтъ мы съ нимъ вмѣстѣ пьемъ—такъ это какъ вынести? Да ужъ что тамъ о праздникахъ говорить... А будни! А моя работа?!—подрядами я занимаюсь. Какъ же я съ нужнымъ человѣкомъ дѣло сварганю, какъ я его удоблетворю—лимоннымъ сиропомъ или голландскимъ какао? На голову онъ мнѣ выльетъ сиропъ. Да ну васъ!!!—вдругъ махну ль онъ рукой.—Пойду. Доведете вы меня когда-нибудь до кондрашки...

Ушелъ, не забывъ надавить краснымъ платкомъ свои водоточащія кочки...

Вчера этот толстяк явился ко мнѣ, размахивая огромной простыней петроградской газеты.

—Сдаётся?—улыбнулся я.

—Это какъ же-съ?

—А что же это вы бѣлымъ флагомъ размахались?

Онъ былъ свѣтель. Сіяль.

—Нѣтъ, ужъ пусть кто другой сдается. А мы еще повоюемъ.

—Съ чего это такъ возсіяли?

—А вотъ. Видали? (ткнулъ въ газету пальцемъ, похожимъ на старую морковь). Сказано, что въ скоромъ времени открывается продажа водки для техническихъ цѣлей!!!

—Такъ вѣдь для техническихъ же? Онъ призадумался, немного обезпокоенный.

—А это что-же, по-вашему, обозначаетъ?

—Значить, не для питья.

—А куда жъ ее?

—Ну, тамъ... для научныхъ препаратовъ, для парфюмеріи, для лекарствъ.

—Толкуйте! Тогда бы о спиртѣ говорилось, а тутъ ясно сказано: «водка». Я не хотѣлъ сдаться:

—Все-таки, «для техническихъ цѣлей» сказано. Я еще понимаю, если бы продавали крѣпкія виноградныя... Тогда бы...

—Попались, батенька! Вонъ что дальше сказано: «будетъ допущена продажа крѣпкихъ виноградныхъ винъ для техническихъ цѣлей»... Какія же это, простите, техническія цѣли—для мадерцы, токайского или мартеля, три звѣздочки. Одна только техническая цѣль—купить бутылочку и высмокать ее.

Я смутился.

—Да... Это что-то непонятное. Впрочемъ, если сказано: «для техническихъ цѣлей», то, очевидно, зря никому изъ частныхъ лицъ продавать не будутъ.

Онъ прищурился.

—Такъ-съ? А кому же будутъ?

—Очевидно, техникамъ.

—Такъ поздравляю васъ!—захихикалъ онъ.—Отнынѣ, значитъ, вся Россія техниками обрстетъ.

—Какимъ образомъ?

—Для водки-то? Да для водки любой человѣкъ такимъ техникомъ сдѣлается, что только руками разведете. Ну, прощайте! Бѣгу.

—Куда?

—А къ другимъ техникамъ—новость сообщить. Эй, Глаша! Скажи технику Гаврилъ, чтобы подавалъ. Поѣду къ технику Семену Афанасьичу. Спасибо, Глаша! Вотъ тебѣ на технику полтинникъ!..

СПИРТНАЯ ПОСУДА.

І. Крушение надеждъ.

—Знаете, Илья Ильичъ, гляжу я на васъ—и удивляюсь. Какъ вы это, доживши до сорока лѣтъ...

—Что вы! Мнѣ пятьдесятъ восемь.

—Пятьдесятъ восемь?! Это неслыханно! Никогда бы я не могъ повѣрить—такой молоденькій!..

Такъ вотъ я и говорю: какъ это вы доживши до... сорока восьми лѣтъ, сумѣли сохранить такую красоту души, такую юность порывовъ и широту взглядовъ. Въ васъ есть что-то такое рыцарское, такое благородное и мощное...

—Вы меня смущаете, право...

—О, какое это красивое смущеніе—признакъ скромной дѣвичьей души! И потомъ,—вы знаете, ваше умѣнье говорить образными, надолго западающими въ сердце фразами—какъ оно рѣдко въ наше время!

—Ну, что вы, право!

—Ну, вотъ, напримѣръ, эта краткая, но отчеканенная, отшлифованная, какъ брилліантъ, фразочка: «Ну, что вы, право». Сколько здѣсь рыцарской застѣнчивости, игриваго глубокомыслія, дѣтской скромности и умаленія себя! А вѣдь фразочка—короче воробынаго носа. «Въ немногѣмъ многое», какъ говорилъ еще Геростратъ. Неудивительно, что бесѣда съ вами освѣжаетъ. Потомъ, что мнѣ нравится—такъ это ваши дѣтки, умныя, скромныя и такія способныя-преспособныя. Напримѣръ, старшенькій—Володя. Помилуйте! Вѣдь это образецъ!! Кстати, что это его не видно...

—Въ тюрьмѣ сидитъ, за растрату.

—Ага. Такъ, такъ. Ну, дай Богъ, какъ говорится. Младшенькій тоже достоинъ всякаго удивленія. Вся гимназія, какъ говорятъ, не могла на него надышаться...

—Теперь уже она можетъ надышаться. Вчера его только выгнали изъ гимназіи за дебошъ.

—Ага... Ну, такъ о чемъ я, бишь, говорилъ? Да! какая черта вашего характера кажется мнѣ преобладающей? А такая: что вы готовы послѣднимъ подѣлиться съ ближнимъ. Напримѣръ: на прошлой недѣлѣ вы какъ-то вскользь сказали мнѣ, что у васъ есть бутылка водки. И что же! Приди я къ вамъ сейчасъ и скажи вамъ: «Илья Ильичъ! У меня завтра обрученіе дочери и именины жены—уступите мнѣ свою бутылочку»—да вѣдь вы и слова не возразите. Молча пойдете въ свое завѣтное мѣстечко...

—Нѣтъ, простите, водки я вамъ дать не могу.

—Это еще почему?

—Не такой это теперь продуктъ. Отецъ родной если будетъ умирать—и тому не дамъ. Такъ что, ужъ вы, того... Извините... Жену могу отдать дѣтей, а с бутылочкой этой самой не разстанусь.

—Очень мнѣ нуженъ этотъ хламъ—ваша жена и дѣти! А я то дуракъ, передъ нимъ, передъ сквалыгой, скалдырникомъ, разливаюсь. Только время даромъ потерялъ. И что это за преподлый народишко пошелъ!! Что? Руку на прощанье? Ногу не хочешь-ли?! Отойди, пока я тебя не треснулъ!

ІІ. Великосвѣтскій романъ.

—Баронесса! Вы знаете, что мое сердце...

—Довольно, князь! Ни слова объ этомъ. Я люблю своего мужа и останусь ему вѣрна.

—Вашъ мужъ вамъ измѣняетъ.

—Все равно! А я его люблю.

—Но если вы откажетесь быть моею, я застрѣлюсь!

—Стрѣляйтесь.

—А передъ этимъ убью васъ!

—От смерти не уйдешь.

—Имѣйте въ виду, что вашимъ дѣтямъ грозитъ опасность!

—Именно?

—Если вы не поѣдете сейчасъ ко мнѣ, я принесу когда-нибудь вашимъ дѣтямъ отравленныхъ конфетъ—и малютки, покушавъ ихъ, протянутъ ноги.

—О, какъ этотъ извергъ меня мучаетъ!.. Но... будь, что будетъ. Лучше лишиться горячо любимыхъ дѣтей, чѣмъ преступить супружескій долгъ.

—Ты поѣдешь ко мнѣ, гадина!!

—Никогда!

—А если я тебѣ скажу, что у меня въ роскошной шифоньеркѣ съ инкрустаціями стоитъ полбутылки водки съ бѣлой головкой?!!

—Князь! Замолчите! Я не имѣю права васъ слушать...

—Настоящая, казенная водка! Подумайте: мы нальемъ ее въ стаканчики толстаго зеленого стекла и... Съ кускомъ огурца на черномъ хлѣбѣ...

—Князь, поддержите меня, я слабѣю... О, я несчастная, горе мнѣ! Ъдемъ!!

Черезъ двѣ недѣли весь большой свѣтъ былъ изумленъ и взбудораженъ слухомъ о связи баронессы съ распутнымъ княземъ...

• • • • •

О, проклятое зелье!

ІІІ. За столомъ богатаго хлебосола въ — будущемъ.

—Рюмочку политуры!

—Что вы, я уже три выпилъ.

—Ну, еще одну. У меня вѣдь Козихинская, высшій сортъ... Нѣкоторые, впрочемъ, предпочитаютъ Синюхина и К°.

—Къ рыбѣ хорошо подавать темный столярный лакъ Кноля.

—Простите, не согласенъ. Рыба любить что-нибудь легонькое.

—Вы говорите о денатуратѣ? Позвольте, я вамъ налью стаканчикъ.

—Не откажусь. А это что у васъ въ пузатой бутылочкѣ?

—Младенцовка. Это я купилъ у одного доктора, который держалъ въ банкахъ разныхъ младенцевъ—двухголовыхъ и прочаго фасона. Вотъ это, вотъ двухголовка, это близнецовка. Это—сердцепьянцевка. Хотите?

—Нѣтъ, я специальныхъ не уважаю. Если позволите, простого выпью.

—Вамъ какого? Цвѣточнаго, тройнаго? Я, признаться, своими одеколонами славлюсь.

Гость задумчиво:

—А вѣдь было время, когда одеколономъ вытирали тѣло и душили платки.

—Дикари! Мало ли, что раньше было... Вонъ, говорятъ, что раньше политуру и лакъ не пили, а какимъ-то образомъ натирали ими деревянные вещи...

—Господи, помилуй! Для чего жъ это?

—Для блеску. Чтобы блестѣли вещи.

—Чортъ знаетъ, что такое. И при этомъ, вѣроятно, носили въ ноздрѣ рыбью кость?

—Хуже! Вы знаете, что они дѣлали съ вежеталемъ, который мы пьемъ съ кофе?

—Ну, ну?

—Имъ мазали голову.

—Тѣфу!

ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ ВИЛЬГЕЛЬМА.

Вильгельм II славится въ Германіи, какъ поэтъ, ораторъ, художникъ и искусный стратегъ...

I. П о э т ь .

- Господа! Ради Бога, не просите меня прочесть стихи, которые я написалъ сегодня.
—Почему, ваше величество?
—Да такъ, знаете... написалъ я ихъ экспромптомъ, и вообще... Нѣтъ, нѣтъ—не просите!
—Ахъ, какъ жаль, ваше величество, что вы запрещаете намъ просить васъ прочесть эти—мы не сомневаемся!—чудные стихи!.. Мы въ отчаяніи.
—Ну, вотъ и уговорили! Экіе вы, господа, право... Ну, нечего дѣлать... слушайте! Кхм. Кхмх!..
Наша Германія—страна
Очень замѣчательная;
Всякій скажетъ: вотъ тебѣ и на!
Всюду чистое бѣлье постельное.
Всюду нѣмцы любятъ своего императора,
И, вообще, даже дороги хорошія,
Хорошо лѣчатъ наши доктора,
А кто скажетъ: нѣтъ—тому дамъ по рожѣ я.
Да здравствуетъ же наша Германія грозная
И наша союзница Австро-Венгрія,
Пусть не будетъ наша казна порожняя,
И избавлю всѣхъ нѣмцевъ отъ менгры я.
—Ну, какъ находите?
—Это... это жъ гениально! Тутъ и Гейне, и Гете, и Гегель. Три «ге»! Умно, философично, тонко, всеобъемлюще. Можно переписать на память, ваше величество?
—Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, вы находите хорошо?
—Ваше величество! Это не хорошо, а упоительно! Пирамидально!
—А вамъ не показалось страннымъ слово «мен-гра»?
—Нѣтъ, почему же? Очень красивое слово. Звучное. Навѣрное, сами сочинили, ваше величество?
—Самъ. «Менгра» это по моей мысли все нехорошее, злое. И вотъ я избавлю нѣмцевъ отъ менгры.
И потомъ—какъ рѣшется словечко со словомъ «венгры»? А?!
—Замѣчательно! Прямо незамѣтно... Дастъ же Богъ...

II. О р а т о р ь .

- Господа офицеры! Здѣсь, въ этомъ тѣсномъ кружкѣ, хотя я и не ораторъ, а императоръ....
—Вы не ораторъ, ваше величество? И вамъ не стыдно это говорить?! Эхъ, если бы я былъ издатель... Выпустилъ бы сборникъ вашихъ рѣчей съ иллюстраціями Густава Доре.
—Доре умеръ.
—Тѣмъ для него хуже! Говорите, ваше величество! Мы изнываемъ отъ нетерпѣнія..
—Господа офицеры! Который вотъ, этого... флотъ и которая тоже армія,—конечно, это нельзя смѣшивать! Смѣшаешь это—и все пропало. Скажемъ, пустить армію на воду, а флотъ повести по сушѣ—и что же будетъ! Армія потонетъ въ водѣ, а флотъ, какъ дуракъ, на сушѣ будетъ вертѣть въ воздухѣ винтами,—вѣрно я говорю?
—Вѣрно! Замѣчательно!
—Пирамидально!
—Тэкъ-съ. Ну, и вотъ, скажу я, значить—и флотъ, и армія смешаны въ сердцѣ моемъ и они не тонутъ тамъ и не крутятъ винтами, а просто моему сердцу дорого то и другое, который флотъ и которая армія! Желаю же, чтобы мое сердце и моя армія и мой флотъ бились въ униссонъ, чего и вамъ желаю, господа штабъ- и оберъ-офицеры. Noch!
—Ваше величество! Извините, что я утираю слезы при васъ, но не могу! Какая мощь, какое

огненное слово!..

—Нѣтъ, вамъ въ самомъ дѣлѣ понравилось, господа?

—Понра...вилось?! Ваше величество! Да это лучше Цицерона, лучше Эдиссона даже!

—А мнѣ понравилось это замѣчательно мѣткое наблюденіе насчетъ того, что армія на водѣ потонетъ, а флотъ на сушѣ будетъ вертѣть винтами, какъ идіотъ.

—Какъ дуракъ, я сказалъ.

—Совершенно вѣрно! Какъ дуракъ, ваше величество. Эхъ, мнѣ бы такъ говорить! Я бы сказа-а-аль!

ІІІ. Художникъ.

—Рисуете, ваше величество?

—Ахъ, ахъ, вы меня застали за работой. Я такъ сконфуженъ...Маленькая шалость... Не смотрите, ради Бога, не смотрите... Ну, какъ вы находите—красиво?

—Глазъ нельзя отвести, ваше величество! Въ особенности, хорошъ этотъ автомобиль...

—Гдѣ?! Это котенокъ!

—Котенокъ! Форменный котенокъ! Я какъ только взглянулъ, думаю—кто это котенка живого къ полотну приклеилъ? Полная иллюзія. И какая глубокая мысль: луна выльзаетъ изъ котеночнаго живота...

—Это не луна... Это апельсинъ!

—Ну, да, апельсинъ. Это, конечно, апельсинъ. Но весь жанръ, я хочу сказать, освѣщенъ луннымъ свѣ...

—Тутъ каминъ сбоку.

—Да, да... Вы знаете, горящія дрова такъ написаны, что я думаю: закурю-ка я объ нихъ сигару... Хе-хе! Ввели старика въ заблужденіе, ваше величество!

—Серьезно, похоже на огонь?

—Дымкомъ пахнетъ даже, ваше величество!..

ІV. Стратегъ.

—Сдѣлаемъ сначала такъ: черезъ Бельгію обрушимся на Францію—въ недѣлю сокрушимъ ее, а потомъ на Россію. Сокрушимъ Россію, тогда...

—Виновать, ваше величество! Планъ геніальный, но если Бельгія не пропуститъ сразу нашихъ войскъ во Францію...

—Бельгія не пропуститъ?! Дитя вы! Мы ей пообѣщаемъ подарить кусокъ Голландіи...

—Чудесная идея, ваше величество! Величаво и просто! Меня беспокоитъ немного Англія...

—Эхъ вы! Да вѣдь Англіи-то выгодно, чтобы Францію разбили! Мы ей пообѣщаемъ кусокъ Французской земли на континентѣ—они и будутъ молчать.

—О, ваше величество! Это изумительно! Если бы не мое уваженіе и благоговѣніе къ вамъ, я воскликнулъ бы: Вильгельмъ, ты—сущій дьяволъ!

—Хе-хе!.. Ужъ вы тоже скажете... Нѣтъ, серьезно, мысль хорошая?

—Ослѣпительно! Но откровенно говоря—мнѣ подозрительна одна страна.—Японія!

—Эхъ вы, фили! Японія? Да я ей только мигну, какъ она на Россію съ другой стороны насядетъ!

—Господи! До чего это просто... А я и не догадался. Однако, въ разсужденіи Італіи...

—Наша будетъ! Пообѣщаемъ Італіи кусокъ Турціи, Турціи посулимъ часть Болгаріи, Болгаріи—кусокъ Греціи, Греціи кусокъ Румыніи, а Румыніи—русскую Бессарабію.

—Господи Іисусе! Никогда мнѣ не приходилось слышать болѣе геніальной вещи!.. Сами придумали, ваше величество?!

—Самъ!

—Оно и видно.

—Нѣтъ, серьезно, видно, что я самъ придумалъ?

—Конечно. Кто же, кромѣ васъ, можетъ этакое придумать...

—То-то и оно!

—Дастъ же Богъ! Умудрить! Я ужъ пойду, ваше величество...

—Куда жъ вы?

—А хочу въ Аллеѣ Побѣды мѣстечко вамъ присмотрѣть. Для памятника.

—Ну, стоитъ ли!.. Право, не безпокойтесь, не надо! Къ чему это?.. Уходите? Ну, обождите—и я съ вами!